

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обзор исторического развития русской философии приводит к трем главным выводам.

Во-первых, русская философия возникла не из «собственных стихий», как это было, например, в Греции, Китае или Индии; она явилась следствием усвоения и работы над чужим идейным материалом – сперва византийским, а затем и европейским, сочетая подражательность с творчеством, «самомышлением». Из сплава византийско-православных и европейско-просветительских начал складывается самобытная традиция русского философствования, с одной стороны, глубоко сопряженная с национальными стремлениями, а с другой – органично связанная с общими процессами развития мировой философской мысли.

Во-вторых, своеобразие русской философии состоит в ее *контекстности*, т. е. непосредственной соотнесенности с другими формами общественного сознания – религией, литературой, наукой, политикой. На этом основании ее нередко обвиняют в утилитаризме, погруженности в стихию чисто «практических интересов». Однако если разобраться по существу, то окажется, что весь этот утилитаризм проистекает отнюдь не из «непонимания подлинных задач философии», а из общих социально-духовных условий ее существования.

Взять, к примеру, отношение к философии православной церкви. Как хорошо известно, она всегда слабо мирилась с «мирской мудростью», ограничивая ее роль исключительно пределами полемики с иноверием и ересями. Соответственно, во всем остальном «православная церковь всегда держалась и держится лишь того, что сам Бог благоволил сообщить о Себе в своем откровении, и вовсе не имея в виду определить существо Божие, которое признает она непостижимым»¹. Ничуть не лучшим было отношение к философии и со стороны официальных властей. Стоит хотя бы вспомнить печально-знаменитый афоризм

¹ Макарий, митроп. Православно-догматическое богословие. В 2 т. Т. 1. – Киев, 2006. С. 94–95.

одного министра народного просвещения николаевских времен: «Польза философии не доказана, а вред от нее возможен»¹.

Столь же утилитарно воспринималась философия представителями науки и литературы. При таких обстоятельствах философии не оставалось ничего другого, как выступать в ключе тех «реальных» требований, которые навязывались ей извне. Поэтому надо скорее удивляться не тому, что русская философия была в значительной мере утилитарна, а тому, что она и в утилитарной форме сохраняла возвышенный философский характер, позволявший ей соравенствовать со всеми другими национальными философиями Европы и всего мира.

В-третьих, как это ни покажется парадоксальным, но именно благодаря контекстно-утилитарной форме русская философия оказывается наиболее прогнозируемой в плане уяснения возможных предпосылок ее нового возрождения и развития.

Непонимание этого во многом характеризует позиции большинства современных исследователей русской философии, «свято хранящих», в соответствии с формулой Х. Ортеги-и-Гассета, принцип «совершенства и бесполезности» философии, необязательности для нее «считаться с человеком массы»². Поэтому любая ее попытка хоть что-то «инвестировать в культурное пространство страны» становится для них поводом к очередным «разоблачениям» отечественного любомудрия. Так, Э. Зверде, указывая, что «когда... в решениях XXVII съезда КПСС, в резолюции по журналу “Коммунист”, на Всесоюзном совещании заведующих кафедрами общественных наук были очерчены проблемы, которыми надлежит заниматься советским философам, то это просто означает, что советская философия не свободна ни в выборе предмета, ни своих выводах, поскольку эти последние должны быть *конструктивными*. Философия, однако, может быть свободной интеллектуальной деятельностью лишь тогда, когда она свободна также быть *деструктивной*»³. В данном случае философия берется в аспекте ее применения, а не метода, который, как об этом свидетельствует весь опыт русской философии, может в равной мере служить как конструктивным, так и деструктивным целям.

Как уже неоднократно отмечалось ранее, русская философия пробивала себе путь не просто сквозь дебри православно-религиоз-

¹ Эта фраза принадлежит П. А. Ширинскому-Шихматову; цит. по: *Никитенко А.В.* Записки и дневник (1826–1877). В 3 т. Т. 1. – СПб., 1893. С. 517.

² *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс // *Вопр. философии.* 1989. № 4. С. 49.

³ *Зверде Э.* Подготовка возрождения: Некоторые мысли о советской историографии философии. – С. 36.

ного сознания, но всякий раз возрождая и обновляя религиозное мышление, поднимая его на уровень нового духовно-интеллектуального творчества. Поэтому вовсе не случайно П. И. Новгородцев признавал совершенно бесспорным тот факт, что «глубочайшие межжи, отделяющие одну философскую эпоху от другой, определяются различным отношением их к религии»¹.

В самом деле, начавшееся в московский период духовно-нравственное «предвозрождение» ознаменовалось прежде всего исихастским пересмотром традиционных форм православного богосозерцания. Петровское западничество также стало возможным благодаря преобразованию «древлеотеческих преданий» на принципах деистического вольфианства. Наконец, самый русский духовный ренессанс конца XIX – начала XX вв. явился следствием широкого интеллигентского богоискательства, вызванного стремлением к антропологизации истин веры и откровения.

Исходя из этого, можно предположить, что если русская философия вновь испытает потребность в свободном творческом развитии, то этому необходимо должно предшествовать соответствующее обновление в сфере национального религиозного сознания.

Но есть и другой путь возрождения русской философии в постсоветский период; это путь сближения ее с политикой, социальной. В обстановке зарождающегося капитализма в новейшей России этот путь может привести только к формированию учений коммунистической направленности, которые, как это и предвидели С. Н. Булгаков и Г. П. Федотов, легко сомкнутся с евангельским христианством.

Нельзя исключать и третьего пути оживления исканий русской постсоветской философии; это путь расширения сциентистских тенденций, который может стать реальностью на фоне грандиозного роста научных знаний в современную эпоху.

Трудно рассчитывать на какое-то особое пробуждение религиозного творчества в ситуации устойчивой секуляризованности российского общества; но зато вполне вероятно, что в ближайшей перспективе русская философия совершит новый прорыв в области метафизических воззрений, вызванный стремлениями либо науки, либо политики.

¹ *Новгородцев П.И.* О своеобразных элементах русской философии права // Русская философия права: философия веры и нравственности. – СПб., 1997. С. 212.